

Е. Маленова

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА В ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ (1940–1990-е гг.): НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «МАТЕŘÍDOUŠКА»

В XX в. в период с 1948 по 1989 гг. детская литература Чехословакии испытала на себе заметные цензурные ограничения, связанные с доминантой коммунистического режима. Как в сфере книгоиздания для детей и юношества, так и в периодической печати предпочтение отдавалось произведениям, непосредственно отражающим коммунистическую идеологию. После 1989 г. печатание детских произведений литературы вновь находится под влиянием процесса цензурирования, теперь уже со стороны чешских издателей, которые воспринимают в частности, русскую детскую литературу как продукт идеологического давления. Эти процессы рассматриваются в статье на примере анализа эволюции содержания популярного детского журнала «Mateřídouška», издававшегося с 1945 г. и по наши дни.

Ключевые слова: детская литература, детский журнал, цензура, цензурные ограничения, идеология, Чехия, Чехословакия, чешско-советские связи.

Цензура в качестве «государственного надзора за печатью и средствами массовой информации» [Большой Энциклопедический словарь 2000] существовала с давних времен, и конечно, не только в России. Однако XX век в определенном смысле можно назвать *расцветом цензуры*. В данной статье ставится вопрос — насколько цензурные ограничения, существующие в СССР, затрагивали Чехословакию и ее печатную продукцию для детей, в связи с чем преимущественно рассматривается коммунистический период чехословацкой истории (1948–1989), когда влияние Советского Союза на Чехословакию было весьма значительным. Одна из задач представленного исследования заключается в том, чтобы выяснить — совпадали ли общие идеологические тенденции и цензурный подход правящей партии, и каким образом. В статье дается углубленный анализ переломных периодов — своеобразных рубежей существования

коммунистического режима — прежде всего, мы обращаем внимание на начальный этап, т. е. вторую половину 1940-х гг., когда происходят заметные изменения в традиционном до того времени содержании, стиле и эстетике.

Напомним, что в Советском Союзе цензура с 1922 г. осуществлялась с помощью Главлита¹, надзор которого прекратился лишь в 1992 г. В Чехословакии первые цензурные меры были приняты в декабре 1947 г. Под однозначным контролем коммунистической партии оказались все СМИ и печатная продукция после февраля 1948 г., когда в Чехословакии произошел коммунистический переворот. Однако предпосылки в переориентировке чехов и словаков на Советский Союз появились намного раньше. Первое послевоенное правительство Чехословакии уже в апреле 1945 г. приняло в словацком городе Кошице так называемую «Кошицкую правительственную программу» (далее в тексте: «*Кошицкая программа*»). В ней были согласованы такие пункты, как: определение главной линии чехословацкой зарубежной политики, заключавшейся в «самом тесном союзничестве с СССР и сотрудничестве в военных, политических, хозяйственных и культурных направлениях»; обязательство выдвинуть русский язык в учебных программах на место первого иностранного языка; обязательство устранить из учебников и учебных материалов всю антисоветскую информацию и заботиться о том, чтобы молодежь освоила нужные знания о возникновении, правительстве, развитии, экономике и культуре СССР»; обязанность открыть в университетах новые кафедры «истории СССР», «экономики СССР» и «права СССР» [Быстров 2006, с. 9–10] и т. д.

По приведенным цитатам из одобренной правительством «Кошицкой программы» можно понять, почему современные исследователи определяют возникшую в 1945 г. Чехословакию как «народно-демократическое государство, подвергавшееся впоследствии целенаправленному шефству СССР» [Гавличкова 2013, с. 8].

Из вышесказанного можно заключить, что развитие идеологических процессов в СССР отразилось и на идеологии Чехословакии в этот период. Доказать это можно не только на материале самих произведений художественной словесности для детей, но и на теоретических трудах, предназначенных воспитателям, учителям и т. д.

В данной статье уделяется особое внимание области детской литературы, так как именно область воспитания нового поколения была одним из ведущих идеологических направлений в СССР — литература для детей стала орудием формирования новой идеологии

вскоре после революции 1917 г. Стоит заметить, что именно русская детская литература эпохи Советского Союза попадает в последнее время в центр внимания исследователей во всем мире. Особый интерес уделяется при этом визуальной стороне изданий, обращаясь к которой удастся наиболее наглядно показать переориентировку в рамках тематики, ценностных ориентиров, литературных и художественных штампов и т. д. В данной статье приводятся некоторые иллюстрации, подкрепленные текстологическим анализом и комментариями. Цитаты из чешской периодики приводятся в собственном переводе-подстрочнике, чтобы русский читатель имел возможность понять суть чешских оригиналов; однако надо подчеркнуть, что переводы даются исключительно лишь как опора, а не являются с точки зрения художественности соответствующими оригиналам (не сохранены ритм, рифмы, стихотворный размер и т. д.)

В настоящей статье используется материал чешского ежемесячно издаваемого журнала для детей «*Mateřídouška*»². Данный журнал является ценным источником, на материалах которого можно показать цензурные изменения и методы идеологически «правильного» воспитания чешских детей, так как «*Mateřídouška*» был основан еще в конце 1945 г. и издается до сих пор. У истоков его издания стояли выдающиеся чешские поэты и художники: Франтишек Грубин, Франтишек Галас, Ярослав Сейферт, Йозеф Лада, Иржи Трнка³ и др., а первые номера отличались особо высоким качеством текстов и иллюстраций.

Основным содержанием журнала «для самых маленьких читателей» (как до сих пор указывается в подзаголовке) были переводы сказок, фольклорных текстов (стишков, поговорок, колядок и пр.), рассказов (не только русских авторов, но так же и французских, американских и др). На последней странице размещались тексты из серии «Муравей Ферда» — своеобразный комикс в стихах, автором которого до конца 1950 г. был преимущественно художник Ондржей Секора. Хотя Муравей Ферда все больше проникался новой идеологией: решал проблемы выполнения пятилеток и планов, занимался борьбой с врагами и т. д., в начале 1950-х гг его сменила пропаганда шахтерской профессии. Позже опять появлялись комментированные картинки в духе Секоры, однако их авторы менялись и возникали новые серии.

Первые выпуски «*Mateřídouška*» еще опирались на христианские традиции — это заметно не только по оформлению обложек журнала, на которых представлена соответствующая символика, но также и по

Матержидоушка (1946. № 3. 21 февр.; художник всего номера Иржи Трка).

содержанию отдельных произведений. Так, например, выдающийся чешский поэт Франтишек Галас опубликовал в первом номере журнала от 19-го декабря 1945 г. стихотворение «Откуда у горлицы полоска» [Materjidouška 1945, 1, с. 4–5]⁴. Здесь образ девы Марии и Иисуса Христа приобретает современный облик поглощенной заботами матери грудного ребенка и имеет даже бытовой характер: «Дева Мария, вся в работе / и Исусик не хочет спать / ей надо убирать, готовить, зашивать / и к тому вдобавок еще и качать» [1945, 1, с. 4]. Далее по сюжету стихотворения горлица летает рядом с колыбелью, ей не хочется работать, за что ее упрекает дева Мария — нечего летать и смеяться, когда Исусик не спит и плачет. Дева Мария поручает горлице качать ребенка, та выполняет просьбу, но как только Исусик закрывает глазки, горлица опять улетает. Привязав горлицу к колыбельной с помощью ленточки, дева Мария сможет в конце концов приготовить обед, так как Исусик засыпает. Младенец спит крепким сном, и горлица смиренно просит, чтобы ее отвязали — ленточка совсем впилась в ее горло. Дева Мария отпускает птицу со словами: «кыш-кыш, лети, язычник, / однако в знак наказания вечно / полоска у тебя останется» [1945, 1, с. 5]. На рисунках Йозефа Лады к этому стихотворению у девы Марии и Исусика изображены нимбы.

Христианская направленность журнала резко меняется на рубеже 1948–1949 гг.: номер, вышедший 1-го декабря 1948 г., еще

вполне сохраняет показанные здесь тенденции традиционно христианской тематики, изображаемой в актуализированном контексте современности. Во-первых, на обложке изображен святой Николай, причем в достаточно традиционном образе: в белой епископской одежде с крестами на груди, в головном уборе, с длинной белой бородой. Правда, святой Николай по-современному спускается со звездного неба *на лыжах*, но в обеих руках и на спине он несет корзины с традиционными подарками для детей.

Во-вторых, не менее традиционно изображается появление на свет Иисуса Христа. Стихотворение одного из главных редакторов журнала, выдающегося поэта Франтишека Грубина под названием «В Вифлееме» [1948, 4, с. 56], начинается с детского обращения ребенка к своей матери, с просьбой отпустить его в Вифлеем, так как маленькому Иисусу не с кем играть. Интересен и рисунок к этому стихотворению, где изображены люди в традиционной одежде чешских крестьян, идущие со своими подарками к деревянной постройке вдали, над которой ярко светит большая звезда. В-третьих, в этом же номере помещена рождественская сказка Анны Новаковой. Главным героем является молодая, наивная елка (ее посадили в парке только весной). Она спрашивает у ночного сторожа, почему же сегодня рядом с ней не катаются на санках ни один ребенок. После того, как сторож терпеливо объясняет, что сегодня Рождество — праздник мира и любви, когда люди покупают рождественские елки, чтобы дети под ними нашли подарки, елка начинает мечтать, что за ней тоже придут. Но сторож поясняет, что он как раз для того сторожит елку, чтобы ее не спилили. Елка огорчается и прогоняет сторожа, говоря, что ей лучше было бы без его охраны, чтобы люди за ней все-таки пришли, спилили и унесли домой. Сторож сначала упрекает елку в том, что она хвастунишка и за несколько дней славы, красоты и внимания готова отдать всю жизнь. Но елка ему объясняет, что он не понял настоящую причину — она ведь «хочет кого-то обрадовать» [1948, 4, с. 61]. Сторож ей советует подождать до весны, сказав, что потом она точно обрадует многих — своим свежим, зеленым цветом среди серых домов и труб. Сказав это, сторож из пространства сказки исчезает, а к расстроеной елке прилетают два грустных воробья и начинается новый разговор. Елка спрашивает птиц, почему они грустят. Воробьи отрицают предположение елки, что дело в голоде, и рассказывают, что люди их накормили, но к себе в дом, в тепло, не пустили. Елка предлагает воробьям согреться игрой в догонялки на ее ветках. И когда воробьи говорят, что им на елке очень нравится,

Матержидоушка (1948. 1 дек.), (1949. 1 февр.).

то она сама предлагает, чтобы они у нее пожили. И только успевает подумать, что хотя бы воробьев обрадовала, как вдруг они исчезают. Елка уже хочет расплакаться, но они вдруг возвращаются и каждый из них приносит семечко (один — одуванчика, второй — ромашки) и обещают спрятать семена в углу кормушки и весной посеять рядом с елкой. Елка по-настоящему радуется, и в этот момент открывают окно, из которого доносится чешская рождественская колядка «Narodil se Kristus Pán» («Родился Христос») [1948, 4, с. 62] — и сказка заканчивается словами: «и радостное чувство тронуло так же маленькую елку и двоих воробьев в ее ветках». [1948, 4, с. 62] Таким образом, можно заключить, что в «Materídouška» первых лет появлялась религиозная тематика и символика, которая передается на конкретных доступных и понятных ребенку образах.

Уже в следующем году на страницах «Materídouška» появляются новые тенденции. Стихотворение того же редактора и поэта, который упоминался раньше, Франтишека Грубина, несет название: «Заводы на солнце». Роль играет не только его содержание: «Из труб идет дым, / солнце жмурится. / Жмурься, жмурься, / если бы они не дымились, / нам было бы хуже!» [1949, 8, с. 66], а также и то, что оно расположено рядом со стихотворением Милослава Янского «Пятилетка», в котором содержится ответ на детский вопрос «Что

такое пятилетка?» Читателю объясняется, что нужно «работой воевать за мир и спокойствие и «работать, насколько хватит сил, чтобы все были счастливы» [1949, 8, с. 66]. В том же номере журнала можно найти текст о «Трех волхвах, которые пришли из далеких стран» [1949, 8, с. 72]. Только вместо того, чтобы в традиционном метафорическом ключе сообщать о появлении Иисуса Христа, сюжет о волхвах ограничивается лишь описанием их внешности. Хотя на рисунке волхвы изображены несущими рождественскую звезду, видно, что она не настоящая, а вырезана из бумаги и надета на деревянную палку. Таким образом, вместо традиционного христианского сюжета остается его выхолощенное отражение. Не только в образном, но и в текстовом плане акцентируется жизнь современных детей, которые, выполняя символическое похождение волхвов, ничего не знают о его сути. Завершается стихотворение пожеланием счастливого пути «этим дорогим святым» (явно присутствует ирония, так как имеются в виду переодетые дети) и пожеланием, чтобы они «опять как-нибудь пришли спеть» [1949, 8, с. 72], т. е. главной целью, которую выполняют «волхвы», оказывается развлечение.

В подобном духе толкуется та же тема и позже. Например, в журнале, вышедшем 1 января 1950 года, можно найти стихотворение «Тетка Метель и трое волхвов». Его суть заключается в том, что маленькому якобы негритенку («черному от сажи» [1950, 1, с. 120]), одетому в костюм волхва, очень холодно. Поэтому тетка Метель стучится в ворота к королю и просит дать теплую куртку. Но так как король не соглашается отдать, она сама «вбегает в залу и забирает шубу, корону и скипетр короля» [1950, 1, с. 120-121]. Заканчивается история тем, что шуба, корона и скипетр достались бедному негритенку, который на самом деле Бальтазарек — сын простого деревенского жителя. Таким образом, символический поход волхвов превращается в сюжет о классовой борьбе и наказании жадного короля. Даже судя по иллюстрации к данному стихотворению можно видеть тенденцию к изображению религиозных традиций лишь как детских игр и развлечения. Центральной становится другая тема — установления социальной справедливости и равенства бедных и богатых.

Продолжим анализ переломного — с точки зрения цензурных изменений — периода зимы 1948–1949 гг. В февральском номере журнала за 1949 г. идеологическое переориентирование заметно еще при взгляде на обложку. Она явно апеллирует к событиям коммунистического переворота, совершившегося в предшествующем году.

Стихотворение, занимающее место передовицы, называется «Февраль»:

Дети, если не было бы февраля / то не было бы уже / спокойной работы без
страха, / что у нас кто-то работу отнимет. / Возглавил (нас) мужчина. // Он дал
нам дышать новым воздухом/ он дал нам с мужеством / вперед пойти, никогда
назад. / Февраль в свете инея / над Прагой танцевал [1949, 6, с. 1].

Так же, как раньше, писалось о появлении на свет Иисуса Христа (рассчитывалось на то, что все читатели знают, кто это), здесь описан Сталин. Его величие и известность подчеркнуты как раз тем, что не называется его фамилия. В этом же номере 1949 г. центральной сказкой становится «Дед Мороз» с подзаголовком «русская народная сказка», которая позже под названием «Морозко» (особенно после появления на свет фильма Александра Роу⁵) станет в чешском восприятии культовой русской сказкой.

Далее в журнале усиленно развивается тема труда, заводов и индустриализации. 1 марта 1949 г. выходит журнал с изображением каменщиков на обложке и одноименным стихотворением Анны Новаковой «Бригада», помещенным на страницах журнала. Даже персонаж, ставший к тому времени уже традиционным героем комикса «Ферда Мравенец» («Муравей Ферда»), начинает работать на благо пятилетки [1949, 7, с. 111].

Все чаще «героями» тех или иных текстов, публикуемых в журнале, становятся предметы труда и машины. Так, например, в номере от 1 ноября 1949 г. можно найти рассказ, где главным героем рассказа является одушевленный трактор, который выполняет тяжелую работу, перемещая разные предметы. Далее тема труда воплощается в сюжетах о социалистическом соревновании. В одном из напечатанных здесь стихотворений — «Спор труб» польского поэта Г. Огилба — заводские трубы спорят, о том, какая из них более ленива [1949, 15, с. 153].

Постоянное сравнение и стремление достигнуть лучшего результата переносится и на детей. Местом соревнований становится школа. Об этом свидетельствует обложка журнала от 15 ноября 1949 г. со стихотворением: «Соревнуемся»:

Как шахтеры в шахте / соревнуемся в школе. / В явке и лучшей работе, / местные и пригородные. / Одноклассникам-двоечникам / помогаем ударничеством. / На сто процентов в сумме / мы выполняем свою пятилетку. [1949, 16, с. 153]

Тема Советского Союза как образца для чешских детей появляется с 1949 г. на страницах журнала все чаще. На обложке майского номера за 1949 год помещено стихотворение «Привет»:

Когда у меня будет самолет, / Вы знаете, куда я на нем направлюсь? / В далекую Русь. / Я полечу по Поволжью / над Москвой покружу / как перо гусиное. // В Кремль я загляну / кого я увижу там, / каждому знать положено! / Смело скажу я: «Честь труду! / Мальчики из чешских деревень, городов / передают привет русским!» [1949, 9, с. 72].

В стихотворении опять дается лишь намек на героического, все и всех понимающего вождя, без указания его фамилии. Это еще раз подчеркивает тот факт, что каждый должен знать сам, кто сидит в Кремле.

В июне 1949 г. журнал выходит с обложкой, где изображена рука рабочего, держащая молот, перевязанный красным бантом, и на небе вместо солнца светится красная звезда. Фоном для этого изображения служат силуэты строящихся домов и панорамы заводских труб. Вводное стихотворение этого номера называется «Руки трудящегося» и воспевае красоту рук, которые не праздны, а трудятся: «Руки трудящегося — красивы, хоть просты!». Следующее стихотворение того же номера несет название «Песни о русской земле» и продолжает воспевание вождей. Его автор, Марие Гемзачекова постаралась показать и второго легендарного советского вождя в лучшем свете:

<.> Ленин силен, / справедлив был. / У богатых забрал / бедным раздал / Ленин мудр был [1949, 10, с. 91].

Кроме родственной связи с Лениным и Сталиным на рубеже 1940–1950-х гг. культивируется любовь ко всему советскому и к русским. Например, в ноябрьском номере журнала за 1949 год размещено стихотворение Юлии Дримловой под названием «Русская земля»:

Русская земля / земля дорогая, / из нее тоже растет моя сила. / Ей тоже сердце мое принадлежит, / Русские — мои братья. // Русская земля — / земля красивая, / звезда алая, / звезда ясная. / Добрым людям уверенно светит, / с ней здесь хорошо жить [1949, 16].

Кроме Советского Союза, отражаются на страницах журнала и проблемы геополитики СССР. Так, например, Марие Гемзачекова в январском номере за 1950 г. развивает тему Китая и свободы китайского народа в стихотворении «Китайчонок»:

Кит-кит-китайчонок / срезал себе косичку. / Прыгает, свистит в Тяньцзине, / приветствует вольный, свободный Китай. // Кит-кит-китайчонок, / не носит больше косичку. / Кит-кит-китайчонок / свободный гражданинчик. // Он не боится мандарина, / свободно дышит сладкий Китай. / Кит-кит-китайчонок / свободный гражданинчик [1950, 1, с. 130].

Замеченные тенденции усиливаются и в дальнейшем развиваются по нарастающей вплоть до 1953 г. Можно сказать, что чехи

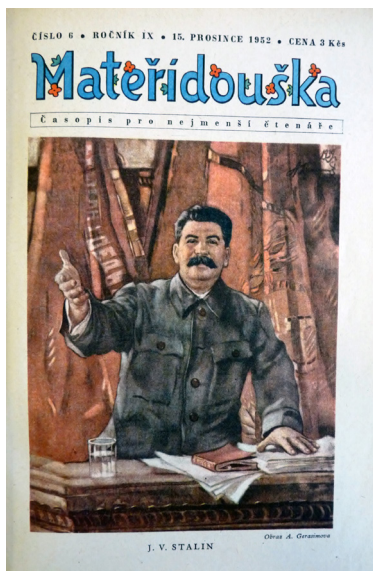
в совершенстве выполнили то, что обещали еще в 1945 г. в «Кошицкой программе». Обложки журнала приобретают все более документальный облик. На них появляются чехословацкие и советские реалии, лозунги. Например, в ноябре 1951 г. журнал вышел с обложкой, на которой изображен отец с сыном на фоне марширующих людей с красными флагами. Образу общего революционного праздника посвящено и центральное стихотворение номера «Знаменышко» (написанное Анатолием Алексиным).

Особое внимание уделяется советским и чехословацким правительствам, которым посвящаются целые номера журнала и культивируется их обожествление.

В декабре 1953 г. в журнале публикуется история в традиции сказочного повествования без указания автора. Даже название отсылает читателя как будто к фольклорным источникам: «Что на свете самое дорогое». Однако в истории сначала выступают рабочие разных профессий, которые спорят, что лучше. Одни утверждают, что это их коровы, другие (рыбаки) думают, что нет ничего лучше рыбы, третьи ценят хлеба и т. д. В конце концов трех детей отправляют в путешествие по России для того, чтобы они могли узнать, что же на свете самое дорогое и лучшее. Их якобы «сказочное» странствие сопровождает даже волшебный предмет — клубочек, благодаря которому они попадают к Сталину. Сталин не только ласково принимает детей, но еще и все объясняет. Когда дети возвращаются домой, то они передают людям в своем колхозе открывшуюся им истину — самым дорогим оказывается «слово товарища Сталина» [1953, 12, с. 69].

Данные тенденции заметно ослабевают во второй половине 1950-х гг. Журнал постепенно возвращается к своему сугубо детскому облику. В 1960-е гг. в журнале отражаются общие тенденции, характерные для детской литературы того периода, — например, акцентирование элементов нонсенса, игры и т. д. Однако, важно подчеркнуть, что настолько острого и стремительного перелома, как в 1949 г., журнал в идеологическом плане не испытал даже в 1980-е гг.

В конце 1980-х гг. в журнале преобладают детские темы, идеологически окрашенные тексты почти не появляются — за исключением двух страничек от редакции журнала, которые посвящались «календарным событиям», напоминали о годовщинах и праздниках, или советовали, как стать пионером, как лучше подготовиться к пионерской клятве и т. д.

Матержидоушка (1952. 15 дек.), (1953. 20 марта; номер полностью посвящен смерти Сталина).

Постепенную идеологическую «нейтрализацию» можно показать на нескольких примерах. Так, в феврале 1988 г. в журнале появляется уже рассматриваемая нами ранее тема: сюжет о сказочном путешествии за тем, что самое лучшее в мире. История называется «Самый большой клад», написал ее Антонин Йирачек. На этот раз сюжет о путешествии трактуется совсем по-другому. Героем короткой сказочной истории является маленький Петя, который по дороге из школы совершает благородный поступок — помогает перейти улицу старому дедушке. Оказывается, что дедушка этот — волшебник, и награждает Петю волшебным шариком. Мальчик может трижды загадать желание, и Петя, подобно героям рассказа, опубликованного в 1953 г., желает найти самый большой клад. В первый раз ему шарик открывает серебряный клад, со второй попытки — золотой, но Пете кажется, что все-таки где-то в мире существует нечто еще более ценное. Тогда шарик приводит мальчика к его родному дому. Петя удивляется, но шарик ему объясняет, что не ошибся, так как «дом — это для каждого самый большой клад» и исчезает [1988, 2, с. 6].

Также можно обратить внимание на размещение в журнале зарубежных произведений — в марте 1988 г. и в последующих номерах

Матержидоушка (1988. Февр.).

на страницы журнала возвращается мировая литература (и не только восточнославянского происхождения), так, например, в журнале регулярно появляются переводы Павла Шрута⁶ с английского.

То, что еще до 1990 г. в «Mateřídouška» выжила информация о спартакиаде, размещаемая в заключительной рубрике журнала (хотя с февраля того же года «спартакиады» переименовываюся в «физкультурный праздник»), подтверждает, что реалии и заложенные в годы коммунистического режима традиции исчезали медленно и постепенно.

Однако, если в журналах, выходящих в конце 1940-х гг., и особенно в начале 1950-х гг., можно видеть цензуру, которая пропускала сквозь свое сито прежде всего идеологически нужным образом направленные тексты, то в современной Чехии можно говорить о цензуре, которая действует так, что русской детской литературы (за редкими исключениями) как будто бы просто не существует. В современной Чехии по отношению к русской детской литературе все еще преобладает определенная осторожность, хотя с момента так называемой «Бархатной революции»⁷ прошло уже достаточно времени. Если можно называть данное молчание цензурой, то осуществляет ее, скорее всего, рынок — издатели, и может быть, бывшие читатели «советской литературы». Фактически в Чехии издатели выпускают лишь проверенные временем и завоевавшие успех у читателя

русские произведения, как, например, серию книг о Незнайке Николая Носова, русские народные сказки (среди которых лидирует сказка «Морозко») и некоторые другие. В 2013 г. появился новый перевод — в издательстве «Арго» вышел сборник произведений Даниила Хармса для детей под названием «Циркус Абрафрк», составителем и переводчиком которого является Ондржей Мразек. Эта книга стала первой ласточкой и символом надежды на новые переводы и издания русской детской литературы в Чехии.

Примечания

¹ Главлит — Главное управление по делам литературы и издательств — орган государственного управления СССР, осуществлявший цензуру печатных произведений и защиту государственных секретов в средствах массовой информации в период с 1922 по 1991 гг.

² Mateřídouška — по-чешски означает «Душа матери», так же называется растение чабрец (ср. русское «мать-и мачеха» и др.). Название журнала содержит отсылку к стихотворению «Kytice» Карела Яромира Эрбена и к стихотворению «Mateřídouška» Ярослава Сейферта, опубликованного в первом номере журнала. Журнал предназначен для детей дошкольного и младшего школьного возраста. В период 1945–1953 гг. выходил журнал раз в две недели, за исключением первых двух номеров, которые издавались раз в месяц. С 1954 по 1989 гг. выходил журнал раз в месяц, однако в 1952–1953 гг. и в 1954–1955 гг. появилось 16 номеров журнала в год.

³ Франтишек Грубин (1910–1971) — чешский писатель, поэт, издатель и киносценарист. Один из основателей журнала «Mateřídouška», с 1945 по 1950 — его редактор; Франтишек Галас (Халас, 1903–1949) — один из крупнейших чешских поэтов XX в.; Ярослав Сейферт (1901–1986) — чешский писатель, поэт и журналист, диссидент, лауреат Нобелевской премии 1984 года; Йозеф Лада — (1887–1957) чешский художник и прозаик, известен своими иллюстрациями к роману Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»; Иржи Трнка (1912–1969) — чешский художник, книжный иллюстратор и мультипликатор

⁴ Далее в скобках указывается только год выхода, номер и страница цитирования.

⁵ К/ф «Морозко», 1964 г. Центральная киностудия детских и юношеских фильмов им. М. Горького

⁶ Шрут Павел — род. в 1940 г., популярный чешский детский писатель, поэт и переводчик.

⁷ Падение коммунистического режима в Чехословакии — 1989 год.

Источники

Mateřídouška. Прага: Праге 1945–1950.

Mateřídouška Прага: Статни накладателстви детске книги. 1950–1953.

Mateřídouška. Прага: Млада фронт. 1953–2014.

Исследования

Bystrov V. Svobodná nesvoboda. Praha: Vyšší odborná škola publicistiky, 2006.

Havlíčková P. Košický vládní program a malý retribuční dekret // Dny práva 2012.; цит. по интернет-републикации: URL: https://www.law.muni.cz/sborniky/dny_prava_2012/files/revoluce/HavlickovaPetra.pdf (дата обращения: 02.10.2014).

Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/319974> (дата обращения: 25.09.2014).